

афиша

телефон для деловых контактов 209-36-70, факс 299-71-86

С 10 по 12 мая
Юрий Антонов приглашает всех
в «Клуб влюбленных сердец»,
то бишь в ГЦКЗ «Россия»,
где состоятся три его сольных
концерта.

Персоны Марголиса

Популяризатор чудеснейшего, пасторального рефрена «пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную...» теперь народный артист. Совсем недавно стал он таковым. А вскоре не прерывающая дум о вечном корпорация «Овация» заложит плитку с именем его у стен нашего главного концертного зала. Так что как когда-то и пелось триумвиратором «Мечта сбывается...». Правда, далее следовало «... и не сбывается...». Но об этом, дабы сохранить интригу, естественно, позже.

Тем паче, что и сразу есть чем ошеломить.

Юрий живет теперь в Переделкино, за высоким коричневым металлическим забором, в четырехэтажном собственном белом доме. «Под крышей дома» его комнат столько, что сам хозяин затрудняется сосчитать, но твердо знает, что их больше десяти. Зато доподлинно известно, что в особняке также наличествуют четыре туалета, десятитысячедолларовый бассейн, ванна «Джакузи», сауна, бар, бильярдная, профессиональная студия звукозаписи, два натуральных камина, эlegantный рояль и разнообразная, сами понимаете какая, мебель. «Мы все спешим за чудесами, но нет чудесней ничего, чем та земля под небесами, где

Небелзг. - 1997 - № 16 -

с. 32-33

Юрий АНТОНОВ:

У ЖИРИНОВСКОГО — ДАЧА. У МЕНЯ — ДОМ

крыша дома твоего...». Антонову спешить некуда, чудеса уже начались. По вечерам на его участке не только «лунная дорожка сверкает серебром», но и блестит, освещенная изящными итальянскими фонарями, тропинка, ведущая к калитке с глазком. Подобный свет льется и на похожий на флигель гараж, где отдыхают три автомобиля мазстро: «Тойота», «Вольво» и, представьте себе, «Нива». И с утра до ночи раздаются в этом райском подмосковном уголке мяуканье и лаянье восьми антоновских кошек и четырех собак. Нет-нет, вот тут вы не угадали. То не дорогостоящие персы, загадочные циветты, курцхеры и далматины, хотя один впечатляющий дог имеется. То простые, породистые и беспородные бомжи фауны, коих новоиспеченный народный артист в разное время нашел и приютил на своем участке, поскольку «болезненно воспринимает бездомных животных». Бывали периоды, когда у Антонова обитали и по 12-13 кошек и по 15 собак. Он предоставлял им кров, еще когда записывался в просторной студии на Маросейке. Такая вот прелюдия.

— Я понимаю, почему сегодня отовсюду мечтающие стать звездами провинциалы устремляются в Москву. Но вас-то что сподвигло в те далекие годы оставить родную Белоруссию и устремиться в российские мегаполисы? К республиканским лидерам снисходительнее ведь относились. Все «пятнадцать сестер» должны были быть представлены кем-то из местных кадров на всех крупнейших союзных концертах и фестивалях. Кого делегировала Белоруссия — «Песняры», «Сябры», «Верасы». Исключительно ансамбли, солистов не было. Вы имели шанс высоко пробиться, а в Москве так легко было затеряться.

— Но не затерялся же. Впрочем, я подобным образом и не рассуждал. Все сложилось так, как сложилось, и я рад этому. Все, что я делал, оказалось правильным. Хорошо, что уехал из Белоруссии в Ленинград, из Ленинграда в Москву и что из Москвы не уехал в Америку.

— Был момент?

— Конечно. В 76-м мои документы лежали в ОВИРе.

— Существовала конкретная причина для такого радикального решения?

— Да нет. Просто мне было здесь плохо. Чувствовал, что абсолютно лишен всякой свободы. Я оказался невыездным. Мои друзья ездили куда-то по всему миру, а меня не пускали, не имея на то никаких оснований.

— Почему так происходило, вам до сих пор неизвестно?

— Это узнать невозможно, только если архивы КГБ полистать. Тогда ведь они ничего не объясняли.

— По идее, вы рисковали. Вам могли отказать. Остались бы в Союзе и наверняка возникли бы проблемы с работой, с получением каких-то регалий.

— Примерно через год я сам забрал свои документы. А так, что могло бы сорваться? Я же не в оборонной промышленности работал. К тому времени мое имя было уже достаточно известно. В 71-м году вышли мои первые пластинки, потом в 72-м, 74-м. Они продавались миллионными тиражами. Что мне было бояться?

— О том, что вы подали документы, знали коллеги и начальство?

— Знали, но никто меня не притеснял. Я продолжал активно работать.

— Политических мотивов в желании эмигрировать не было?

— Абсолютно. В те годы я политикой вообще не интересовался.

— А когда заинтересовались?

Фото: Андрей Фрилатов

— Пожалуй, с горбачевского периода кое-что мне стало любопытно. А сейчас с интересом просматриваю все программы новостей.

— Вы не просто заинтересовались политикой, вы, в принципе, попытались участвовать в ней, причем в соратники избрали весьма одиозную структуру — ЛДПР.

— Я никогда не был членом этой партии и особо не разделял ее взглядов, за исключением тех, что естественны, по-моему, для любого человека — увеличение российской мощи, повышение благосостояния народа, стремление, чтобы с нашим государством считались в мире. Подобные принципы присутствуют, кажется, в программах всех партий.

— Почему же альянс возник именно с ЛДПР?

— От этой партии мне поступило предложение баллотироваться в депутаты Госдумы. Меня это заинтересовало, я согласился, но стать депутатом не получилось.

— Почему?

— Потому что, насколько я знаю, Львовский район Курской области, где я баллотировался, был, после договоренности ЛДПР с КПРФ, отдан на откуп коммунистам. Подробности мне не известны, поэтому комментировать что-то сложно. Короче, не получилось, и я снял свою кандидатуру.

— Но, в принципе стать депутатом хотели?

— Да, конечно.

— И что бы вы делали, заняв думское кресло?

— Думаю, что для избравшего меня района сделал бы многое. Не секрет, что я знаком со многими влиятельными людьми, с теми, кто наделен властью, еще с кем-то пришлось бы познакомиться и при желании помочь району несложно.

— Но с нашими высокопоставленными чиновниками знакомы многие депутаты.

— Не все являются столь активными. Пробился кто-нибудь по списку от той же компартии и сидит себе в Думе царьком, ничего для народа не делает.

— Хорошо, выберите вы у своего знакомого какие-то субсидии для патронируемого района. Но он же деньги и ресурсы не штампует. Значит, какой-то другой район что-то недополучит.

— Не собираюсь обсуждать эти проблемы. Я отвечал бы за район, избравший меня, остальные мне малоинтересны. Там есть свои депутаты.

— Если на следующих выборах вам вновь предложат баллотироваться, вы согласитесь?

— Сомневаюсь. Не буду столь наивным, ведь я стал жертвой некой политической игры.

— Вы обижены на ЛДПР?

— В определенной степени. Вдобавок я сильно заболел, чуть ли не воспалением легких, после многочисленных предвыборных поездок и агитационных выступлений. Кампания же протекала зимой, перед Новым годом. Так что впечатления у меня остались вдвойне неприятные.

— С Жириновским-то повидались в ту пору?

— Встречался с ним в Думе и на его даче. Личность целеустремленная, сильная, ничего не скажешь. Хотя, конечно, некоторые его взгляды могут обсуждаться и даже шокировать. Но не забывайте — в профессии политика есть свои нюансы поведения. Если бы все государственные деятели были отможенными и вымученными, было бы неинтересно. А когда он выступает, все сразу устремляется к телевизору. Зачастую не от того, что разделяют его взгляды, а потому, что это шоу.

— Жириновский в частной беседе и на телеэкране — два разных человека?

— В какой-то мере да. Хотя его нервозность, импульсивность иногда прорываются и в обычном разговоре.

— Дача-то у кого лучше — у Жириновского или у Антонова?

— У него государственная дача, а у меня не дача, а дом. Но не сомневаюсь, что он имеет возможность построить себе любой дом. Государственная же дача у него скромная, старая, но в привилегированном месте, по-моему, в бывшем дачном поселке Совмина.

— Во сколько обошелся вам этот дом?

— Очень недорого, по нынешним ценам, конечно. Потому что я сам закупал для него материалы, а не доверил строительство какой-нибудь фирме, накрутившей бы три цены. У меня турки строили, два с половиной года. И сейчас, кстати, еще не все завершено. Проект дома, между прочим, я сам создавал.

— Трудно было приобрести участок в Переделкино и почему именно здесь — престижно или захотелось оказаться поближе к творческой интеллигенции?

— Нетрудно. Для этого я восемь месяцев покупал газету «Из рук в руки». Искал предложения, устраивавшие меня. Выписывал все интересное на специальную длинную бумагу. Объездил все Подмосковье и нашел в одной из газет Переделкино.

Я выбрал его не потому, что это престижно, а потому, что подъездные пути хорошие, до центра удобно добираться, Москва рядом, Солнцево.

— Солнцевская братва...

— Ну, это не имеет никакого значения.

— Вы знакомы с представителями этой ячейки общества?

— Знаком кое с кем, чисто по-человечески, по-соседски.

— То есть если что-то с вами случится — помогут?

— Думаю, да. А что может произойти?

— Ну, например, дачу ограбят — преступников быстро найдут?

— Думаю, найдут. Хотя я не хотел бы разговаривать на эту щекотливую тему.

— А где вы обитали до постройки столь шикарного особняка?

— В небольшой, двухкомнатной квартире в районе Воронцовских прудов.

— Так ваше благосостояние так сильно выросло за последние три года?

— Ничего подобного. Дом построен на деньги, заработанные в прежние годы.